

УДК 316

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ КАК ФОРМА ЭТНИЧЕСКОГО И РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

© 2010 г.

М.И. Ефремов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

m.efremov_77@mail.ru

Поступила в редакцию 17.03.2010

В последние десятилетия в России, как и во всем мире, особенно горячо обсуждаются вопросы этноконфессиональных и религиозных отношений, проблемы терроризма, этнического и религиозного экстремизма. Проблема противодействия экстремизму – одна из важнейших на современном этапе развития мирового сообщества. Мировая практика показывает, что борьба с терроризмом обречена на провал в условиях, когда ему противостоят исключительно полицейские институты, а не все общество.

Ключевые слова: терроризм, религиозный экстремизм, полиэтничность, идентификация, национальное самосознание, этнические конфликты, государственность, безопасность, эскалация, геополитика.

Начало третьего тысячелетия современная цивилизация встретила всплеском терроризма, получившим широкое распространение как в Российской Федерации, так и по всему миру.

Значение исследования феномена политического терроризма в России возрастает из-за реальной угрозы, которую представляет терроризм для государственной безопасности России, ее национальных интересов, со стороны террористических групп, находящихся на территории страны, и международных террористических и экстремистских организаций, пытающихся влиять на политическую жизнь в государстве. Поэтому для России проблема политического терроризма имеет как внутривнутриполитическое, так и внешнеполитическое значение.

Особую актуальность данной проблеме придает тот факт, что проявления политического терроризма внутри страны подрывают устойчивость политической системы общества, стабильность политического курса, а в ряде случаев даже способны парализовать действия властей, способствуя подрыву их авторитета среди населения. Это ставит под угрозу не только состояние и тенденции прогрессивного развития российского общества, но также и его жизнедеятельность. В качестве объекта безопасности выступают политические и социально-экономические структуры и институты, территориальная целостность страны, ее суверенитет и конституционный строй.

Реалии настоящего времени таковы, что ни одна из современных теорий терроризма пока еще не дает полного и всеобъемлющего ответа на вопросы, связанные с практикой политического терроризма. Нет единых подходов к по-

ниманию проблемы, нет четких критериев идентификации общественно опасных акций, признаваемых террористическими, неоднозначно оценивается данная проблема средствами массовой информации, общественными движениями, правозащитными организациями.

Исследование терроризма неотъемлемо от изучения экстремизма, что позволяет понять их взаимосвязь и взаимообусловленность. Знание сущности политического терроризма, его зависимости от геополитических, социально-политических, экономических, психологических условий открывает возможности для прогнозирования его проявлений. Решение этих задач позволит создать критерии, способствующие своевременному упреждению новых террористических актов, планировать и осуществлять подготовку и проведение антитеррористических мероприятий.

В словарях слово «экстремизм» поясняется как «приверженность к крайним взглядам, идеям и мерам» [1]. Политический экстремизм необходимо определять как специфичный метод в борьбе за политическую власть. Как пишет В.А. Мальцев, политический экстремизм является идеологией, политикой и практикой наиболее реакционных сил от ультраправых до ультралевых, которые в политической борьбе за власть придерживаются крайних мер и средств насилия, вплоть до уничтожения противника, «где наиболее опасным в современных условиях является националистический терроризм...» [2].

Когда экстремисты переходят к нелегитимной тактике борьбы с целью насильственного изменения или подрыва общественно-политического строя, дестабилизации или свержения

законных правительств суверенных государств, применяют насилие в отношении политических противников, а чаще против символической цели, преследуя психологическое давление на противника, – подразумевается совершение террористических действий политического характера. И в таком понимании политического насилия речь идет о политическом терроризме, как одной из форм экстремизма. При этом справедливо отмечается, что политический экстремизм «приобретает различные формы – от провокаций террористических группировок... до уносящих многие жизни преступлений политических авантюристов, превративших террор в инструмент государственной политики» [3].

С.А. Грачев рассматривает крайние формы политического экстремизма в интервале от террористических акций оппозиционных преступных группировок до проявлений государственного террора. В некоторых странах громадная разрушительная сила экстремизма привела к развалу государств: распад Югославии и междоусобная война с этническими чистками в Боснии и Герцеговине, мирный раскол Чехословакии на Чехию и Словакию, религиозно-этническая рознь в Северной Ирландии (Ольстерский кризис), сепаратистское движение в канадской провинции Квебек, межэтнические конфликты в Испании, Бельгии и ряде других европейских стран – все это наиболее очевидные его проявления в современном мире [4]. Зачастую этнические экстремисты рассматривают терроризм как единственный способ заявить о своих требованиях. Террористические методы борьбы активно используют Ирландская республиканская армия, Организация освобождения Палестины, Баскская «Родина и Свобода», Партия трудящихся Курдистана. Эти методы активно используются сепаратистами. Так, Баскская «Родина и Свобода» намерена отделить районы традиционного проживания басков от Испании, Партия трудящихся Курдистана хочет создать свое государство на территории Турции, те же методы используют сицилийские и чеченские сепаратисты. Политический терроризм, обнаруживающий себя в современных политических конфликтах, стал тесно переплетаться с этническими столкновениями.

Этнический экстремизм на пространстве постсоветской России проявляет себя обостренным национальным самосознанием, нетерпимостью к нарушениям национального равноправия. Этот момент подчеркивают многие исследователи, как и то обстоятельство, что лидеры экстремистских организаций активно исполь-

зуют идеи национализма в террористической борьбе. Именно идеология национализма переводит интересы политических экстремистов в террористическую плоскость. «Национализм апеллирует к наиболее глубоким и чувствительным психологическим качествам человека, отличающимся к тому же способностью незамедлительно рефлексивно реагировать на внешние раздражители положительного или отрицательного свойства. При этом воздействие извне, угрожающее ущемлением национального достоинства (будь то прямое оскорбление со стороны представителя другой национальности или распространение информации о совершении несправедливых действий по отношению к соплеменникам), вызывает однозначно негативную реакцию индивида, представляющего данную нацию» [5], – справедливо замечает В.Е. Петрищев.

Следует подчеркнуть, что воздействие на национальные чувства людей обычно вызывает устойчивую ответную реакцию, для нейтрализации которой необходимо весьма продолжительное время. Межэтнические отношения, начав развиваться на волне освободительных и демократических идей, под влиянием интересов и установок определенных политических сил и движений склонны быстро принимать экстремистскую форму и приобретать террористическую направленность, которая не может обеспечить ни освобождения, ни демократизации.

Общественно-политическая практика показывает, что этнический терроризм не имеет ничего общего с отстаиванием национального достоинства и, тем более, со спасением собственной нации. Нередко террористы-националисты отстаивают свои собственные интересы и взгляды, а отнюдь не желания большинства представителей того этноса, за независимость которого они якобы борются. Например, во Франции активно действует террористический Фронт национального освобождения Корсики, который ставит своей целью достижение независимости острова. Однако, согласно опросу общественного мнения, осуществленного в 1996 г., подавляющее большинство корсиканцев – 91% не поддерживают идею независимости острова [6]. Не вызывает сомнений, что корсиканские террористы – националисты, которые, как и многие им подобные, движимы лишь жаждой власти; подлинные интересы своего народа ими игнорируются. В таких случаях внимательный анализ позволяет рассмотреть тщательно маскируемое презрение к собственному народу.

Механизм эскалации этнических экстремистских устремлений известен. Сначала национальное движение «от имени народа» (форма представительства «народного волеизъявления» могут быть национальный съезд, национальный конгресс, национальный совет и другие варианты) заявляет о желании нации выйти из состава государства и образовать собственное суверенное национальное государство.

Органы власти государства (ссылаясь на конституцию) обычно отвергают возможность предоставления независимости. Отказ вызван объективными причинами, хотя со стороны кажется, что дело упирается в амбиции центральной власти. Отрицательный ответ заключается в невозможности разделения государственной территории по экономическим, культурным, историческим причинам. Но важнее политические причины – геополитический и военно-стратегический интерес всего государства в целом. Исполнительные органы власти и силовые структуры государства начинают оказывать давление на лидеров и активистов национального движения, пытаясь заставить их отказаться от поддержки сепаратистских лозунгов. В ответ новоявленные князьки, почувствовав вкус власти и денег, уже ничем не брезгают: выдвигают более радикальные требования и обращаются за поддержкой к народу. И когда определенная работа по ведению в массах скрытой пропаганды и отбору наиболее преданных сторонников закончена, наступает стадия реализации конфликта с тенденцией нарастания противостояния сторон.

Однако было бы не совсем корректно пытаться объяснить причину усиления этнических экстремистских тенденций террористической направленности только доминирующей ролью политических элит. Такой подход не может в полной мере объяснить феномен готовности к массовой мобилизации и интенсивности эмоций экстремистов, изначальную силу группового стремления к независимости, жертвенности, готовности перейти к самым жестоким формам насилия.

По-видимому, более основательным является системный подход, в равной мере учитывающий как общие характеристики, так и региональную специфику «потенциала этнической экстремальности». Последний состоит из комплекса межэтнических и межнациональных противоречий исторического, территориального, политического, социального характера, а также этнокультурного или иного свойства, способного при определенных условиях реализоваться в форме экстремизма с применением

террористического насилия. Так, исторические предпосылки обычно выступают в виде глубоко укорененных в этническом сознании (пристрастных по форме и агрессивных по содержанию) представлений об исторических врагах.

Этнотерриториальные предпосылки политического терроризма кроются в виде устойчивых претензий на так называемые этнические территории. Политические – как политико-правовая ущемленность статуса национальных автономий и этнических меньшинств в государствах, основанных на принципах этнического национализма; как отсутствие суверенной государственности. Экономические предпосылки возникновения политического терроризма состоят в борьбе лидеров экстремистских организаций за естественное право на обладание ресурсами и собственностью. Социальные и этнокультурные противоречия связаны с неравномерным развитием этнических территорий, с дискриминацией определенной национальной группы по расовому, этническому или религиозному признаку; немаловажное значение имеет и неравная степень свободы доступа разных этносов к ресурсам и рынкам.

О наличии подобного комплекса противоречий, реально подпитывающих экстремистские и террористические движения, можно говорить в отношении большинства полиэтнических государств мира. Если в некоторых регионах межэтническая напряженность не выходит за цивилизованные рамки общей отрицательной комплементарности между этносами, то в других регионах идентифицируется как критическая, с применением междуэтнического насилия, в том числе террористического направления.

Суть конфликтов в современной России, ведущих к всплеску национализма и обретающих экстремистскую форму, состоит в борьбе за контроль над системой национально-культурного воспроизводства, за создание политических институтов для обеспечения реального суверенитета нации. Необходимо учитывать ярко выраженный политический характер современного этнического терроризма, поскольку в нем используются этнические и этнотерриториальные вопросы в качестве аргументов в борьбе за изменение политической структуры общества, политических отношений и связей государства, т.е. преследуются сугубо политические цели.

На территории России имеются регионы с компактным проживанием мусульманского населения. Поэтому утверждения, что ислам – агрессивная, воинствующая религия и что аг-

рессивность исламского мира нарастает, способствуют разделению страны по конфессиональному признаку, наносят серьезный удар, в первую очередь, по российскому федерализму. Важно отметить, что уже сама перспектива такого раздела, движение в этом направлении создадут благоприятные условия для роста сепаратизма – одной из наиболее опасных болезней современности. Раздел любого государства по национально-религиозному признаку окажет крайне негативное воздействие на стабильность внутригосударственных и межгосударственных отношений.

История развития общественных отношений убедительно доказала, что политический терроризм, как выражение крайних методов и установок экстремистских сил в политической борьбе, обладает способностью проникать во все сферы общественных отношений, причем в каждой из них имеет определенную направленность, степень остроты. Проникая в конфессиональную среду, терроризм порождает новые конфликты, усложняет уже существующие. При этом, как отмечают исследователи, например И. Ермаков [7], А.А. Нуруллаев [8], сама религия выступает как компонент политики. Поэтому далее правомерно и актуально рассматривать религию как один из главных факторов этнической политической мобилизации.

Политический терроризм, базирующийся на религиозных экстремистских идеях, символах и настроениях, стал ярким проявлением современных катаклизмов. Самые тяжелые последствия влечет за собой использование религиозных чувств во имя своих корыстных целей идейными вдохновителями политического терроризма, которые играют на столкновении интересов различных стран, различных политических субъектов и получают финансовую или иную помощь от той или иной стороны.

Поэтому анализ проблемы политического терроризма будет неполным, если не будет рассмотрено влияние на его развитие в России международных экстремистских и религиозных террористических организаций, которые в своей деятельности эксплуатируют искренние духовные убеждения и чувства индивидов, активизируя и без того сильное эмоциональное восприятие верующими окружающей действительности, особенно связанное с социальной и национальной идентификацией. Актуально рассматривать данное явление в контексте политических мотиваций религиозно-экстремистских организаций, угрожающих российской государственности.

При проведении политического анализа необходимо учитывать тот факт, что политические лидеры экстремистских и террористических организаций используют религиозный фанатизм как наиболее удобную психологическую формулу для трансформации политического экстремизма в терроризм.

Применение широко употребляемых при теоретическом анализе социально-политических процессов и явлений понятий «религиозный экстремизм» и «религиозный терроризм» на первый взгляд кажется точным. При комплексном, многомерном рассмотрении проблемы экстремизма и терроризма, учитывающем взаимодействие религиозной и политической составляющих, выясняется преобладающая политическая роль религиозной компоненты в общественно-политической жизни общества.

В научной литературе высказываются разные мнения, например: «Обладея несомненным сходством проявлений, религиозный экстремизм почти всегда обнаруживает политическое содержание, порой ярко выраженное. Однако, несмотря на то, что религиозный экстремизм имеет порой политическую окраску, он представляет собой не столько политический, сколько религиозный феномен» [9]. Другие ученые, наоборот, считают, что «для анализа современной ситуации наиболее правомерно ввести понятие “религиозно-политический экстремизм”, с тем чтобы не возлагать на религию ответственность за безответственные преступные деяния экстремистов, использующих те или иные религиозные постулаты. Так же, как этнонационалистический экстремизм, религиозно-политический экстремизм является разновидностью политического экстремизма» [10].

Думается, что правы ученые, которые предлагают различать религиозно-политический экстремизм от религиозного экстремизма. Следует отметить, что эта точка зрения не учитывает существование религиозных фанатиков-экстремистов, не преследующих политических целей, действия которых правомерно назвать религиозно-психологическим экстремизмом.

Несмотря на то что в научном мире имеют место мнения о некорректности высказываний «религиозный экстремизм» и «религиозный терроризм», до сих пор других, четких, формулировок нет. Предлагается ввести в оборот понятие «религиозно-политический терроризм» как форму религиозно-политического экстремизма и «религиозно-психологический терроризм» как форму религиозно-психологического экстремизма. Религиозно-политический терроризм можно охарактеризовать как религиозно

мотивированное или религиозно камуфлированное насилие (или угрозу насилия) субъектов, преследующих политические цели: принуждение правительства (правительств) или международной организации к исполнению или воздержанию от исполнения какого-либо действия, а также для серьезной дестабилизации или разрушения основных политических, экономических (социальных) структур страны или международной организации.

В случае религиозно-психологического терроризма насилие со стороны субъектов является религиозно мотивированным, направлено против членов общества и никаких политических целей не преследует, по крайней мере на первом этапе. Религиозно-психологический терроризм базируется на устрашении противников данной секты, как правило тоталитарной. Террористы в данном случае используют насилие в целях, которые, по их мнению, определены Богом. При этом адреса и объекты их нападений размыты и в географическом, и в этническом, и в социальном плане. Особенностью религиозных сект является доведение антропологического дуализма до самых крайних формулировок: члены секты отождествляют себя с избранными, спасенными. Все, кто не с ними, – проклятые, и насилие в отношении них в глазах членов секты становится естественным. Сектанты обычно начинают с устных или письменных угроз, которые заканчиваются физическими расправами. Их угрозы нельзя игнорировать, поскольку они исходят от дезадаптированных, социально и психологически изолированных, фанатически настроенных и часто психически нездоровых личностей.

Практика показывает, что деятельность ряда религиозных сект сопряжена с применением психологического воздействия, которое направлено на формирование у лица (группы лиц) новых или изменение уже существующих убеждений, установок, ценностей, смыслов, отношений, мотивов, ориентаций. Неспособность лица осознавать опасность своих действий провоцируется искаженным восприятием реальности, которое возникает вследствие психологического воздействия. Главари секты приобретают власть и деньги, а попавшие под их влияние готовы пожертвовать ради мнимых религиозных идей благополучием, семьей, состоянием, детьми, жизнью, как своей, так и чужой.

В этом случае представляется целесообразным рассматривать феномен терроризма с психологической точки зрения, т.к. причины религиозно-психологического терроризма лежат в плоскости массового психоза. В социально-

общественной сфере это находит выражение в культурной геттоизации, сектантских движениях и создании культов. Среди подобных религиозных объединений выделяются «Аум Синрикэ», «Храм народов», «Ветви Давида», «Раджниш», «Богородичный центр», «Белое братство».

О существовании в современной России тоталитарных сект известно мало. Наиболее громкий медийный резонанс в федеральных СМИ (как печатных, так и телевизионных) был достигнут сектой, называемой в СМИ «пензенскими затворниками».

В ноябре 2007 г. близ с. Никольского (Пензенская область) была обнаружена группа лиц (по разным данным, от 29 до 36 человек), именующих себя нетрадиционной апокалиптической сектой под названием «Горный Иерусалим», которые добровольно ушли в созданное ими укрытие под землей для того, чтобы молиться в ожидании конца света. Затворники никаких требований не выдвигали, поясняя, что собрались в данном месте по собственной воле, считая его святым, и угрожали сжечь себя, если к ним будут применены насильственные меры. Среди сектантов были 4 несовершеннолетние девочки – в возрасте 1,4 года, 8 лет, 11 лет и 14 лет. Возглавляет секту житель Пензенской области Петр Кузнецов, 1964 г.р. По данным прокуратуры Пензенской области, П. Кузнецов является инвалидом II группы и болен шизофренией [11].

От религиозно-психологического терроризма, который зачастую на первом этапе развития не преследует политических целей, следует отличать религиозно-политический терроризм, обнаруживающий ярко выраженное политическое содержание. Во втором случае терроризм, как форма религиозного экстремизма, представляет собой не столько религиозный, сколько политический феномен, когда религиозные чувства становятся политическим инструментом, которым пользовались и впредь будут пользоваться самые разные политические силы, в том числе светские.

В то же время на уровне обыденного сознания сложилось устойчивое представление, что именно религиозный фактор является единственной доминантой современного политического терроризма. Такой стереотип сложился в отношении всех крупных политических конфликтов: армяно-азербайджанского, югославского, чеченского, арабо-израильского и англо-ирландского.

Начиная с Тюдоров, национальной политикой Англии было изгнание ирландцев с коренных земель и передача их собственности в руки

англичан. Проблема Северной Ирландии – это колониальная проблема, существующая уже несколько столетий. Сформировавшись как политический и имея политические корни, конфликт сегодня воспринимается как межконфессиональный, т.к. для ирландца понятие «протестант» стало символом угнетателя, захватчика. И при этом не важно, является ли протестант англичанином или, скажем, шотландцем. Несмотря на то что этот этнический конфликт со временем трансформировался в религиозный, его глубинные истоки остались прежними.

В арабо-израильском конфликте религиозное содержание заняло одно из ведущих мест в новом витке конфликта в конце столетия. Вероисповедание стало выступать в качестве главного элемента данного политического конфликта, хотя в его основе лежат сугубо территориальные притязания сторон.

Использование религиозных чувств людей в различных конфликтах – весьма распространенное явление. Используется мобилизационная функция религии, и имеется немало случаев целенаправленного внедрения конфессионального фактора в конфликты. Наглядный тому пример – эволюция чеченского кризиса, который имеет в своей основе этнотерриториальный политический конфликт между государством и входящей в него этнической группой чеченцев.

Северный Кавказ и Средняя Азия стали компонентами так называемого ваххабитского полумесяца, в центре которого Каспий с его запасами нефти и газа. Конкретные финансовые, политические и геополитические интересы стали причинами ваххабитского похода на север. В этих же интересах проводится ваххабитская экспансия в республиках Северного Кавказа – Чечне, Ингушетии, Дагестане, КЧР. Дагестан стратегически наиболее важен, поскольку его территория примыкает к нефтяным районам Каспия (что как раз и нужно арабским вдохновителям конфликта).

Другой аспект проблемы состоит в том, что эмиссары ваххабизма стремятся к разжиганию религиозной розни не только между представителями христианской и исламской конфессий, но и внутри мусульманской конфессии.

Целью этих террористических организаций является ниспровержение светских режимов и уничтожение представителей других этнических групп ортодоксальной исламской веры, не согласных с «нововведениями». События в Афганистане тому подтверждение. Захватывая новые поселения, воины «Галибана» уничтожали всех, кто оказывал хоть небольшое сопротивление.

Так называемый исламский терроризм, направляя свои удары не только против «неверных», но и против мусульманских стран и правительств, встречает жесткий отпор с их стороны. И совсем не случайно включение многих мусульманских государств в антитеррористическую коалицию, и активные действия Северного альянса Афганистана против талибов.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что религиозный террорист – это в действительности политический террорист, который использует для достижения своих политических целей идеи, историю и положения конкретной религии.

Религиозные идеи сами по себе не могут служить оправданием экстремизму и терроризму, наоборот, такая деятельность способствует разрушению религиозного самосознания, потере религией миротворческих функций, а религиозными организациями – их авторитета. Политический терроризм, использующий экстремистские религиозные лозунги, – разрушительная сила не только для отдельных сообществ, но и одна из глобальных проблем современности.

Необходимо отметить, что этнических конфликтов, а соответственно, этнического экстремизма и терроризма в чистом виде не существует, поскольку их главную цель составляет борьба за власть, территорию и ресурсы. При этом политический терроризм активно стремится привлечь на свою сторону этнически и конфессионально близкие народы, финансовые и политические круги других государств, мировое общественное мнение, что ведет к интернационализации и эскалации конфликтов. Политический терроризм, как форма выражения этнического экстремизма на стадии эскалации конфликта, способен придать конфликту межрегиональный, а в некоторых случаях и глобальный характер. В полиэтничной России необходимо научиться просчитывать все возможные последствия принимаемых политических, экономических, административных решений, проводя их научную экспертизу с точки зрения влияния на состояние межнациональных отношений в стране.

Список литературы

1. Политология / Под ред. В.Д. Перевалова. М., 1999. С. 362.
2. Мальцев В.А. Основы политологии: учебник для вузов. 1997. С. 237.

3. Паин Э.А. Социальная природа экстремизма и терроризма // *Общественные науки и современность*. 2002. № 1. С. 122.
4. Грачев А.С. Политический экстремизм. М., 1986. С. 43–146.
5. Петрищев В.Е. Роль национализма в воспроизводстве терроризма // *Современный терроризм: состояние и перспективы* / Под ред. Е.И. Степанова. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 100.
6. Казанская Г.В. «Особый случай» корсиканской автономии // *Политические исследования*. 1995. № 5. С. 137.
7. Ермаков И. Политический экстремизм и религия // *Власть*. 2001. № 12. С. 59–60.
8. Нуруллаев А.А. Принцип равенства религий в политической борьбе. Религия и политика («круглый стол») // *Социально-политический журнал*. 1994. № 6. С. 223–224.
9. Назарова Е.С. Политический экстремизм и его роль в современных конфликтах: автореферат дис... канд. полит. наук. Ставрополь, 2001. С. 17.
10. Нуруллаев Е.С. Преодоление религиозно-политического экстремизма – важное условие укрепления национальной безопасности России // *Безопасность Евразии*. 2002. № 1. С. 544.
11. <http://www.penza-press.ru> (дата обращения: 24.09.2009).

POLITICAL TERRORISM AS A FORM ETHNIC AND RELIGIOUS EXTREMISM

M.I. Efremov

In the last decade in Russia, and throughout the world, especially the hotly debated issues of ethno-confessional and religious relations, terrorism, ethnic and religious extremism. The problem of countering extremism - one of the most important at the present stage of development of the world community. World practice shows that the fight against terrorism is doomed to failure at a time when he confronted police institutions exclusively, and not all of society.

Keywords: terrorism, religious extremism, polyethnic, identification, national consciousness, ethnic conflict, statehood, security, escalation, geopolitics.